

Наталья Кор

9 жизней

18+

Наталья Кор

9 жизней

«Автор»

2026

Кор Н.

9 жизней / Н. Кор — «Автор», 2026

Может ли мать любить всех своих детей одинаково? Материнская любовь — самое сильное, бескорыстное чувство на земле. Мать любит своего ребёнка таким, какой он есть, ничего не требуя взамен. Но это не про героиню повести. Её нелюбовь безгранична, слепа и бездушна. Первый ребёнок — её боль, слабость, напоминание о первом муже, ушедшей молодости и красоте.

© Кор Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Наталья Кор

9 жизней

Глава 1

- Всё маманя! – Тихон хлопнул фуражкой восьмиклинкой по своей упругой ляжке, да так звонко мама аж вздрогнула. Плотная ткань брюк разгладилась в месте удара. – Женюсь!!!

Хрупкая женщина в свободном ситцевом платье, подпоясанный передником, вышитым затейливыми узорами, тихонько сложила ладоши перед собой, прижала к губам.

- Ой!

- Да маманя. Сколько можно волочиться, пора и остепениться! – он сидел на деревянной скамейке на большой веранде, широко расставив ноги; в белой майке нательной, поверх рубашка, расстёгнутая до пупа, в брюках грубой ткани – ещё мятые. Окна и двери в помещении нараспашку, сквозняки играют с короткими занавесками, вышитыми вручную – видно, одна рука старалась над передником и над льняными занавесками. – А то развели тут... Древнюю Русь, – глянул он рушник, что висел на гвоздике, напротив, тоже вышитый вручную. – Научит вас маманя, моя молодая жена современным штукам! Так сказать, не сквозняки будут гулять, а «ветер перемен», – усмехнулся Тихон, глядя на мать.

- Напугал! – степенно, без лишних телодвижений женщина подошла к столу и начала натирать салфеткой и без того чистую клеёнку. – Давно пора, а то живёшь как трутень – в своё удовольствие, – пожилая мать подозрительно взглянула на сына. Не верится, что нагулялся, он же весь в отца и на лицо, и по характеру. Тот гулял до последнего! Но жене в ноги кланялся, руки целовал, и своих на неё ни разу не поднял – уважал.

- В субботу сватов засылаем! Бей гусей да не жалея – гулять будем! – Тихон ударили себя ладонью по другому бедру.

- Тебе лишь бы гулять – шут! – свела бесцветные брови мама, – к кому засылать –то? У тебя что ни день, новая зазноба.

- А то не знаешь? – усмехнулся сын. Настроение такое, хоть сегодня свадьбу гуляй!

Мать ещё больше покосилась на него, взгляд недобрый.

- К Ольке! – протянул он ладонь.

Мама сжала свою руку в кулачок и прикусила зубами, испугалась за девушку.

- А что? Плоха тебе сноха?

- Она молодка совсем, годков-то ей сколько? – с болью в уставших глазах смотрела на старшего сына мать, – а ты прохиндей! На тебе клейма ставить негде, загубишь девоньку.

- Ох, надоели мне ваши старинные словечки, в прогрессивном мире живём, а вы... – махнул он рукой и поднялся с крашеной скамейки, настроение начало портиться. – Я за ней третий год канительюсь, как за цветочком аленьким ухаживаю – берегу, – не срываю! Хорошей женой будет мне и точка!

- Она-то будет, а ты? До тридцати пяти выгулялся, а теперь цветочек ему нетронутый подавай, – ворчала мать. Такая ему жена не нужна – загубит! Надо, чтобы кулаком по столу, а в постели к стенке прижала, что б слово не смел сказать. – Она ж дитяtko, херувимчик, – припомнила Тая Григорьевна Олю – сердце так и сжалось, себя вспомнила.

- В таком деле ровесников не ищут! Главное, чтобы любя. И не надо мне перечить, маманя! – постучал он указательным пальцем по столу. – Я сказал, сватов засылаем, значит, засылаем! В сентябре свадьбу сыграем. Чего тянуть. Ольга и сама рада – любит так, дышать при мне боится, – просиял Тихон. Большое лицо его подобрело к матери.

- Не отдаст её мать за тебя!

- Не отдаст?! – сын вперился глазищами в родную мать, лицо начало подёргивать от злости. Вспыльчив был Тихон, имени своему не соответствовал, терпеть не мог, когда не слушались его с первого разу. – Сама прибежит! От света белого откажется, не то, что от родных мамки с батькой! Моя Олька! Ясно? Моя! – стучал он костяшками пальцев по столу, лицо побагровело. – Эх, умеете вы испортить настроение с утра, – махнул он рукой и вышел в дверь, чтоб не накричать на мать.

- Настроение, не жизнь, пережить можно, – крикнула ему вслед Тая Григорьевна. Тихон проходил под окнами веранды, всё он слышал, всё понял к чему она, но разве послушается.

Мама присела на скамеечку, обмахнула платком ведро с водой по правую руку от себя, поправила передник, посидела с минутку, потом поднялась и принялась за домашние дела, надо ж готовиться теперь.

Тихон был старшим сыном Таисии Григорьевны. Двое других: средний Андрей и младший Прохор давно живут далеко от дома. Андрей — моряк, обосновался в Новороссийске, жена, дочка уже большенькая. Прохор учёный - в институте работает, гордиться бы им, но отец при жизни только бурчал на спокойного и забитого младшенького:

- Хоть Ванькой не назвали, а то был бы Иван – дурак, – посмеивался их отец, – какой бабе нужен лаборант? Так и зачахнет в своём ституте, глаза на стекляшки. Разве мужская это работа?

Тая всегда вставала на защиту Прохора, — чем плохо, когда голова толковая?

Мать и увезла его подальше из деревни, мужа не побоялась. Отвезла после школы в Волгоград, а дальше он сам. Не такой уж и забитый оказался младшенький. Сейчас в Москве, работает на закрытом предприятии. Гордость не то, что семьи, всего села! Вот, только не приезжает совсем. Последний раз был лет пять назад, ещё отец живой был. Естественно, не поняли они друг друга, уехал со скандалом Прохор. На похороны отца не смог приехать – в командировке был за границей. Телеграмму прислал, и всё.

Один Тихон - рубаха-парень! Всегда знал, когда не надо отцу под горячую руку попадаться. Батя мог выдать оплеуху и взрослому мужику. Строг и суров был Николай к детям, пацаны всё-таки. Тишку больше всех гонял, но что толку. Со старших классов по девкам пошёл, с ранних лет чувствовал от него отец запах табака, но выбить из него эту дурь не мог, думал, армия исправит. Не-а! не исправила. Вернулся ещё хуже стало, лицом вытянулся, похорошел, возмужал. Бабы гроздьями висли на нём, сами приходили к Таисии, а он как султан в гареме, даже не взглянет. У себя в деревне проказил, соседние не обделял вниманием. Уж сколькими детьми пытались наградить и охомутать парня - бесполезно. Не моё! Упирался руками и ногами Тихон и прав был. Дети росли, ничего схожего ни у одного не было. Карих глаз и улыбочки противной никто не перенял. Все белобрысые, рыжие, а то и совсем нерусские.

Даже отец не мог на него повлиять, а уж женить, так и вовсе никак! Только разговор об этом - Тихон сразу на работу! Подальше, хоть на самую дальнюю кошару, хоть сторожем на бахчу или в сады, лишь бы не дома. Месяцами пропадал где-то. Возвращался, когда отец забывал глупость эту с женитьбой.

Николай умер. Случилось всё неожиданно, нежданно, прямо в поле. За сердце схватился, и готов! Здоровый был мужик, поджарый. В свои 55 ещё и налево успевал поглядывать, но сердце оно же не железное.

Погоревала семья и жить дальше стали. Тихон вступил в хозяйские права (другие братья не претендовали). Дом большой, – самострой – это вам не колхозные однотипные домишки. Николай, хоть и погуливал всю жизнь, но заработанное в семью нёс, и руки из правильного места росли. Выстроил дом квадратный, огромный. Комнаты широкие, везде двери деревянные в две створки, массивные. Каждому сыну в доме по комнате! Любил Николай размахнуться. Веранда большая, резными окнами выставлена. Крыльцо без ступенек, зато с козырьком двускатным. Долго строили дом отец, но к смерти своей успел, так что досталось жене и

сыну обширное хозяйство – конём гулять в доме можно. Но везде уют - заслуга рукодельницы Таисии. Летом дом нараспашку. Зимой дровами пахнет. Поленница небольшая у печки и всегда в ней дрова от снега сохли, а в печке, отделанной кафелем огонь трещит.

Вот и Тихон надумал жениться, спустя четыре года после смерти отца. Сам на ногах крепко стоит – заслуженный скотник на ферме. В уборку помощником комбайнёрам уходил. Получал он больше других, скрывать тут нечего - по заслугам. Но своего хозяйства мало держали, ровно столько, сколько надо.

Таисия Григорьевна – святая женщина. Спокойная, терпеливая, никогда никто не слышал, чтобы она голос повысила на своих пацанов, и с мужем вроде не ругалась, хотя знала, гуляет, все знали. Даже дети. Это уж потом, как с Тихоном остались, могла выдать ему красного словца, но что толку? С него как с гуся вода. Таюшка всегда держалась достойно, в детях своих старалась лучшее разглядеть и подтолкнуть. Но в Тихоне, как в омуте! Одна муть, и ничего больше не видно.

И вот, за ум взялся. Дай бог сложится у него с Олюшкой. Дай бог! – думала Таисия. Девчонку только жалко. Отчего-то весь день о ней думала, хоть бы не отдали её родители за Тишку, сватов на порог не пустили. Но...

Сватов приняли, уже ждали. Родители переглядывались, мать едва в обморок не падала, когда Тихон сапожищами своими в дом вступил. Видя, как на дочку смотрит, мать держаться уже не могла – плакала. Муж пытался утешить жену, но куда там! Полон дом гостей, все шумят, балагурят, Тихон больше всех.

Оленька глаза прячет, краснеет, одно убегает в другую комнату, на Тихона взглянуть боится. Встретятся взглядами – дыхание замирает. Любила его Оля, так любила, как можно любить только в 17, 18, 19! Всей душой, всем сердцем. Хоть в огонь за ним, хоть в воду! Потеряла голову и никого другого перед собой не видела. Ничему не верила, что о нём говорят, он же пальцем её не тронул, только за ручку держались. Сначала скрытно, совершеннолетняя стала, бежала к нему без оглядки, как родители не закрывали и не прятали дома. Убеждали, увезти хотели подальше, но страшные вещи обещала сделать с собой девочка – глаза стекленели, когда грозилась руки на себя наложить. Отец её с Тихоном разговаривал сто раз, просил оставить дочку, не морочить ей голову, разница меж ними большая – целая пропасть.

- Плохо вы меня знаете, - обиженно косился на будущего тестя Тихон, - Олька мне женою будет, и точка! Хоть на край света её увезите, в милицию меня сдайте, но моей будет! Пальцем её не трону, пока сама не позволит.

Мужлан в рабочей одежде, вечно пахнущий комбикормом и едким потом, не пропускающий ни одну молоденькую доярку на ферме, обижался, что не верят ему, опасаются его. А как не бояться? В семье учителей воспитывалась Оля, тихая, прилежная, любимая родителями. Пересеклись они однажды с Тихоном, глянул на неё... и беда с ней приключилась. Заговорил, задурил, околдовал - ворожей.

Вроде ничего такого: в кино водил, в девять часов домой возвращал, подарки носил, конфеты коробками, на развес. Зимой всегда добывал мандарины абхазские ящиками. Где только чёрт умудрялся найти. Вёз себе домой и Оле.

В общем, вёл себя прилично, как положено до свадьбы.

После сватовства вроде стих Тихон, на работе не пропадал, баб на ферме не шлёпал по задам. С ними старался меньше якшаться, языкатые больно. Опять что-нибудь напридумывают, поди отмойся потом. За Тихоном больше славы водилось, чем дела.

Вот и сентябрь! Жаркий ещё, бархатный, как специально, для молодых.

Платье невесте, туфли, фату, украшения Тихон хотел сам купить, деньгами швырялся:

- Мне для Оли ничего не жалко!

Но её родители отказали, и так все расходы ложатся на сторону жениха, праздновать будут в его дворе, жить потом тоже.

Катали молодых в день свадьбы на городской «Волге» – оплачено на два дня! Три круга по селу сделали, чуть весь бензин не выкатали. Тихон просил сигналить без остановки, пусть знают – он сегодня женится! Для гостей до самого ЗАГСа автобус был туда и обратно. Фотограф щеголеватый, тоже городской, носился меж друзей и родственников, снимал, рассаживал, выставлял гостей правильно, чтобы все в кадре помещались. Тихона боялся, с полувзгляда понимал: ему так удобнее, и не лез.

- Ничего Олюшка, - горячо нащёптывал Тихон раскрасавице невесте в машине, - будет у нас своя Волга! Всё у нас будет! Ты, главное женой будь ласковой, во всём меня слушайся, не бойся, - лез он своими руками под фату, наминая больно грудь невесте, не стесняясь хмельных дружка с дружкой, водителя равнодушного. Последний в зеркало заднего вида поглядывал, натягивая фуражку с пластиковым козырьком на глаза, в самые пикантные моменты даже не отворачивался.

Оленька смущалась, краснела, ёрзала от стыда на сидении, горела вся, но убрать рук мужа не могла, слишком силен и нахрапист Тихон.

- Тиша, мне больно, пусти, - шептала Оля, почти плача, стесняясь.

Муж оторвался от девичьей белоснежной шеи, разум туманился от её гладкой, горячей кожи. Откинулся на спинку, дыша часто, прерывисто, детскость и стеснительность Оли ещё больше заводили мужика. Рука его скользнула по её бедру, она мягко, незаметно попыталась убрать огромную ладонь, но Тихон быстрым рывком схватил её за ручку, больно сдавил, не сводя глаз с Оли, поднёс её хрупкую, красную от давления кисть к своим тёплым губам и поцеловал.

Что-то пугающее читалось в его глазах, так быстро он переменялся. Столько времени ходил, в щёчку целовал, за ручку держал, суставчики на пальчиках считал, рассказывал, в какие кольца оденет ручки Оли. А тут ведёт себя как хозяин, дышит огнём, будто зверь в нём просыпается. Сейчас от боли хрустели её суставчики в его ручище.

- Ты, моя Оленька! Вся! Мне решать, когда отпускать жену, а когда нет, - успокоился, наконец Тихон и отпустил её.

Подружка невесты, сидящая по другую руку от жениха, заметила, что случилось между молодыми, начала невпопад шутить, толкнула дружка в пухлое плечо на переднем сидении.

- Наливай! – прикрикнула разбитная подружка невесты.

Тихон поддержал.

- Чего затих?! Кататься, что ли, пришёл на свадьбу? Лей, Вовка! Лей, не жалея, - громко хлопнул в ладоши Тихон и всем телом поддался вперёд. Выпил, не закусывая одной рукой сгрёб к себе развесёлую подруженьку Оли и смачно, хлётко поцеловал её в щёку, почти присосался к ней. Оля отвернулась. Плакать хотелось. Куда делать та радость, с которой она ставила подпись в документе о своей будущей жизни, глядя влюблёнными глазами на мужа. Оля выглянула в окно, придерживая венок искусственных, белых цветов на голове: автобус в лентах и шарах позади, две машины. Все сигналият, пассажиры из окон руками машут. Интересно, в какой из них родители? Мамочка, - думала Оля.

Вот и приехали, можно выдохнуть. Воздух в машине молодых стал совсем вязкий, давящий, стекла опущенные не спасали. Гости вывалили из автобуса, столпились у двора. Хлеб соль от свекрови и молодая жена ступает в мужний дом, неуверенной, боязливой походкой. Совет да любовь молодожёнам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.